

A close-up portrait of a young woman with blonde, wavy hair and blue eyes. She is looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing a dark, textured knit turtleneck sweater. The background is a soft, out-of-focus greenish-grey.

Эмилия Зоринова

**Затмение
душ. Часть
вторая**

Эмилия Зоринова
Затмение душ. Часть вторая

«Автор»

2026

Зоринова Э.

Затмение душ. Часть вторая / Э. Зоринова — «Автор», 2026

Затмение Душ. Часть вторая. — прямое продолжение одноимённой социально–психологической драмы. Сюжет повествует уже о взрослой женщине Тамаре. Худенькая, светловолосая девочка выросла, обрела собственную семью. И вроде бы всё в её жизни безоблачно. Родители Тамары — Марина Феоктистовна и Михаил Александрович Корчагин — уже в разводе и совсем пожилые. Но семейные конфликты не утихают. Тамара всё ещё продолжает свою «битву». Уже не за жизнь и разум, но за своё собственное счастье и спокойствие. Узнайте — что случилось с участниками всей этой истории, насколько они близки к свету или тьме? Что сильнее — человеческая доброта или непробиваемая человеческая чёрствость? Могут ли стать счастливыми люди, которых окончательно не покидают отголоски прошлого?

© Зоринова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Эмилия Зоринова

Затмение душ. Часть вторая

Глава 1

Глава 1

Тамара

Когда «потерянные» дети становятся взрослыми, внутри них всё равно «живёт» тот же ребёнок, желающий недостающей родительской любви, одобрения и понимания. И непростое прошлое этих взрослых детей навсегда оставляет в их душе большую чёрную дыру, которую они пытаются хоть чем-нибудь заполнить.

В день своего пятидесятилетия Тамара плакала. Она не делала этого уже много лет, давно научившись сохранять душевное равновесие и хотя бы видимость спокойствия. Для неё стало главным — не реагировать на плохие вещи, слова и чьи-либо некрасивые поступки. Да и зачем? У неё уже давно был свой «якорь» — семья, которая любила её и берегла: муж, который, несмотря на долгие годы совместной жизни, всё равно смотрел на неё с восхищением, и сын, который безмерно любил её. Тамара была и оставалась им хорошей женой и матерью.

Но в этот вторник в 10 утра позвонила Марина Феоктистовна — мать Томочки:

— Дочь, с юбилеем тебя! Здоровья тебе — это самое главное. Не болей, береги себя. А остальное у тебя всё есть.

Тамара ответила:

— Спасибо, мама.

И вдруг, совершенно неожиданно даже для самой себя, зарыдала — горько, безудержно.

— Ты чего? Что случилось-то? — с беспокойством в голосе спросила Марина Феоктистовна, услышав по ту сторону сотовой связи всхлипывания дочери.

— Мама, мне вот уже 50. Полжизни прожито. А сколько потеряно всего? Несколько лет юности просто исчезли из моей жизни. Мне так жаль. Мне кажется, что мне так мало осталось, и я не успею пожить. Ведь и так толком не успела, — говорила Тамара громко, судорожно всхлипывая, и никак не могла успокоиться.

— Ты что надумала-то? У тебя всё хорошо. Тебя Сашка так любит. Лёшка у вас такой прекрасный ребёнок родился и вырос. Что ещё-то надо? — Марина Феоктистовна пыталась успокоить дочь и найти подходящие для этого слова. А Тамара где-то внутри себя ждала, что мама ей скажет: «Дочка, прости меня за всё, что я с тобой сделала».

Возможно, Марина Феоктистовна и хотела бы попросить прощения, но никогда этого не умела.

Вместо этого Тамара услышала: — Во всём виноват этот чёрт с рогами, Корчагин, батя твой. Если бы не он, то у всех всё было бы хорошо. Ненавижу его!

Родители Тома — Михаил Александрович и Марина Феоктистовна — развелись, когда она вышла замуж и их с Александром сын уже ходил в детский сад. До этого они прожили в мучительном браке много лет и родили на свет четверых детей. Первая их дочь умерла в младенчестве. Тамара родилась потом. Сестра Ирина была младше неё на 3,5 года, а с младшеньким братом Женькой — 13 лет разницы.

Вроде бы в раннем детстве Тамары родители жили неплохо. Михаил Александрович всегда был нравом суров, но жизнь семьи была более-менее мирной. Кошмар семьи Корчагиных начался вскоре после переезда в большую четырёхкомнатную квартиру, которую Михаил

Александрович получил от своей работы, простояв в очереди на жильё 10 лет. И вот тогда зажиточная офицерская семья затрещала по швам: события за событиями, обида на обиде, несчастье за несчастьем — и Тамара руками своей матери оказалась пристроена сначала в сумасшедший дом, а следом и в психоневрологический интернат. Да и было в этой семье от чего сойти с ума очень эмоциональной и слабой девочке.

Но так сложились обстоятельства, что девочка Тома не была душевнобольной — она была слишком не замеченной и непонятой своими родителями. Они занимались своими разборками, не желая видеть, насколько ребёнку тяжело жить в окружении всего этого зла.

Ира с Женькой тоже получили свою порцию душевных травм. Но, видимо, эти дети были более стойкими и менее ранимыми. Поэтому эхо семейных кошмаров на их жизнях отразилось не настолько громко, как на жизни Тамары.

Повзрослев, девушка после всего пережитого смогла начать новую жизнь — счастливую и почти безоблачную — благодаря тому, что судьба подарила ей заботливого и любящего мужа Александра. Но родственники есть родственники — и они продолжали присутствовать в жизни Тамары и периодически осложняли её жизнь.

Самое странное то, что она продолжала их любить, несмотря ни на что, — любить какой-то болезненной, зависимой любовью, стараясь угодить словом или делом. Любили ли они её? По-своему, наверное, да. Но при этом постоянно подавляя и вмешиваясь в её жизнь, создавая ощущение, что родные по крови люди влезают в её такой счастливый и личный мир грязными сапогами и стараются ещё там потоптаться. Тамаре от этого очень часто становилось больно и беспокояно.

Санёк очень терпеливо сносил суетливых родственников супруги и не спорил с ней, когда она их оправдывала.

Только однажды сказал:

— Ты маме стала вдруг так нужна, так нужна, когда стала жить хорошо.

И это случилось после того, как тёща приехала в очередной раз в день зарплаты Александра. Она всегда вдруг навещалась примерно в такие дни:

— На обои хочу денег у вас попросить. Хочу комнату оклеить. — Женьке бы вот джинсы новые справить.

И Сашка всегда давал денег, хотя жили они в то время с Тамарой совсем не богато, и им самим хватало средств только на то, чтобы не быть совсем голодными. Шёл 1998 год, и зарплатный кризис ещё свирепствовал в стране.

Такие визиты тёщи продолжались довольно долго. Терпение Александра в какой-то момент лопнуло, и он высказал своё мнение уже прямо и без оговорок:

— У нас своя семья. Вы, тёща моя, не малоимущая женщина, чтобы я ежемесячно вам материальную помощь отстёгивал. Или это мзда за что-то? Только непонятно за что. Я работаю для своей семьи, а не для многочисленных родственников.

Марина Феоктистовна взглянула на мужа дочери с осуждением, насупилась. Приезжать стала редко и денег просить перестала.

На своё пятьдесят первое день рождения Тамара, помимо родственников и друзей, хотела пригласить и отца. Она одна из всех троих детей общалась с ним. Отец состарился — всё-таки 76 лет — и жил один в четырёхкомнатной квартире. Тамара с супругом периодически его навещали. Старик был очень крепким, шустрым, сохранял быструю походку и чёткость разума, несмотря на возраст и перенесённую онкологическую операцию.

— Мам, я хочу на праздник позвать отца. Всё-таки он мой отец. И нехорошо его не приглашать на мой праздник, — оповестила Марину Феоктистовну дочь, вполне осознавая, что она на это скажет.

Можно было бы пригласить Михаила Александровича, не оповещая об этом мать. Но Тамара боялась возможного скандала и испорченного праздника на глазах родственников мужа

и её друзей. Женщина осознавала почти стопроцентную вероятность, что мама, сестра и брат просто сразу же уйдут. Возможно, Михаил и Марина начали бы прежде оскорблять друг друга — и тогда Тамаре стало бы очень стыдно и за них, и за себя.

— Это твоё дело. Но если отец придёт, то я, Ира и Женька уйдём, — сказала Марина Феоктистовна. Тамара примерно и ожидала такую реакцию, но расстроилась. Никто не подумал о ней. Им свои дрызги были важнее её дня рождения и спокойствия. Да и вообще к концу своей жизни пожилые родители могли бы примириться друг с другом. И их уже взрослые дети тоже могли бы отпустить былые обиды и не делать из отца монстра, а из мамы — страдалицу.

Тамара считала, что в бедах своих детей виноваты оба родителя: жестокость отца к ним и их матери, а мама сама оставалась с ним, терпела побои и унижения, тем самым не оберегая своих детей. Хотя она думала, что детей оберегала. И она вкладывала в них мысль, что отца надо забыть, не интересоваться им и всячески презирать, а у неё есть её дети, и они всегда должны её понять и простить. И у всех них при этом между собой сложные взаимоотношения.

Родственники же постоянно подозревали Тамару в меркантильности — как будто бы она не бросает отца ради последующего наследства. Он ведь сделал на свою часть квартиры завещание на Тому — в квартире, в которой ей до этого ничего не осталось. Тамаре было сказано: «Мы оформляем квартиру в собственность на меня, отца, Иру и Женьку. А у тебя есть свой угол». Так сказала мама.

Фраза «свой угол» Тамару «убивала».

«У тебя там будет свой угол», — так говорила Марина Феоктистовна Томе когда-то, оформляя её в психоневрологический интернат. И так всю жизнь: где-то должен быть у неё «свой угол». Не свой дом, не любящая семья — а свой угол.

Да, в то время у Женьки и Иры не было другого жилья, кроме родительского. Жили они в общежитии. Совместное проживание в одной квартире с отцом практически невозможно: батя не умел соседствовать спокойно. Спустя несколько лет Ира вышла замуж и стала проживать у мужа. Женька женился и купил две квартиры: сначала однокомнатную, а потом трёхшку. Но то, что отец сделал Томе завещание на свои 20 квадратных метров, привело всех в возмущение — особенно маму и Ирку.

— Зачем тебе это завещание? Батя бы помер, мы квартиру бы продали и дали бы тебе сколько-то денег после, — высказалась Тамаре сестра.

— Мы так пострадали от него. Меня трясёт, как вспомню. Ира его ненавидит. Женька до сих пор просыпается посреди ночи в страхе, — эмоционально рассказывала Марина Феоктистовна Томе.

— Да, я его ненавижу. Он омерзительный. Помрёт, я даже на похороны не приду, — вторила Ира матери.

Тома улыбалась, внутри себя корчась от этого непонимания и осуждения, и отвечала совершенно спокойным тоном: — Да, пострадали. А я в вашей семье — самый счастливый человек. Только вас трясёт, и только вам страшные сны снятся. И в этот момент думала: «Когда папы однажды не станет, проводить его в последний путь будет только моя ноша».

В её душе где-то там, внутри, очень глубоко начинала плакать та худенькая, светловолосая девочка с длинной косичкой — Томочка. Взрослая Тамара закрыла её в глубине своего сознания на большой амбарный замок. Представляла, как вместе с той девочкой в чулан поместила огромный старый сундук, в который сложила все свои страхи, печали, боль и ужасы пережитого. Закрыла всё это за огромной дверью на замок и ключи выкинула в бездонную бездну. Но бездна всё равно кричала ей эхом — голосами отца, матери, сестры Ирки, брата Женьки и голосами многих других людей из страшного прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.